

А. Белкин

ВЕЛИКИЕ

и

МЕЛКИЕ

Анатолий Белкин
Великие и мелкие

ИД «Городец»

2020

УДК 82-3
ББК 84 (2 Рос = Рус) 6

Белкин А. П.

Великие и мелкие / А. П. Белкин — ИД «Городец», 2020

ISBN 978-5-907085-50-3

Эти истории – о том, как ничтожные и мелкие существа или те, кого мы считаем ничтожными и мелкими, могут повлиять на судьбы действительно великих людей. И не только на них. Порой они вмешиваются и меняют ход исторических событий или способствуют резким поворотам в культуре, науке и даже самой жизни. Но обстоятельства, при которых это происходило, часто казались самим участникам событий такими случайными и частными, что эти выдающиеся люди даже не догадывались, как важно то, что с ними приключилось. Все имена персонажей этой книги являются подлинными, так же, как и всё остальное. Любое сходство со случайными людьми исключено. Им просто нет места на этих страницах.

УДК 82-3
ББК 84 (2 Рос = Рус) 6

ISBN 978-5-907085-50-3

© Белкин А. П., 2020
© ИД «Городец», 2020

Содержание

Предисловие	8
Лев Толстой	9
Иммануил Кант	10
Фёдор Достоевский	13
Александр Герцен, Николай Огарёв	14
Наполеон Бонапарт	16
Пётр Вяземский	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Анатолий Белкин Великие и мелкие

В оформлении книги использованы рисунки автора

© А. Белкин, 2020

© ИД «Городец», 2020

Предисловие

Эти истории – о том, как ничтожные и мелкие существа или те, кого мы считаем ничтожными и мелкими, могут повлиять на судьбы действительно великих людей. И не только на них. Порой они вмешиваются и меняют ход исторических событий или способствуют резким поворотам в культуре, науке и даже самой жизни. Но обстоятельства, при которых это происходило, часто казались самим участникам событий такими случайными и частными, что эти выдающиеся люди даже не догадывались, как важно то, что с ними приключилось.

Все имена персонажей этой книги являются подлинными, так же, как и всё остальное. Любое сходство со случайными людьми исключено. Им просто нет места на этих страницах.

Лев Толстой Комар *Culicida*

Лев Толстой не очень любил свою семью и домочадцев. Они его раздражали, он больше любил природу. Но там тоже жили всякие люди, мужики, бабы, деревенские дети, которые очень быстро бегали, в руки не давались, учиться грамоте не хотели и хихикали, когда барин босиком шёл через двор по интимным делам или с косой на луг косить траву с мужиками, чем сильно смущал их. Но Лев Николаевич твёрдо гнул свою линию. С утра надевал длинную льняную рубаху, ситцевые штаны – и прочь из дома, в народ, в поля, в леса, к природе! Взгляд у графа был зоркий, как у старого орла. Сначала он смотрел на небо, определял погоду. Ошибался редко. Потом обзирал окрестности, и если примечал какое-то движение, то, как мыслитель, пытался проникнуть в его скрытый смысл и соотнести с известным мировым событием.

Однажды он заметил лошадку и крестьянина, идущего с плугом по краю поля. Ничего особенного, обыкновенная картина. Утро, деревня, лошадка с плугом, эка невидаль. Ни Чехов, ни Бунин, ни Короленко, ни даже Горький не вмешались бы. Пашет человек – ну, и Бог ему в помощь! Но не такой был человек граф Лев Николаевич. Широким шагом он пересёк поле, подошёл к онемевшему мужичку, мощной рукой разъединил его с плугом, стеганул лошадку и стал пахать сам. Мужик не знал, как быть и что ему делать. То ли идти за барином, то ли, наоборот, стоять там, где барин его настиг. На всякий случай мужичонка снял с головы картуз и переминался с ноги на ногу.

Минут через пятнадцать граф остановился, бросил плуг, вытер по-простому, рукавом, пот со лба и довольный пошёл домой завтракать. Настроение у него совсем исправилось. «Мало, мало времени проводим в народе, а он от всего лечит», – бормотал про себя граф. Накануне он ужасно «объелся кофе» и целый день маялся животом. Не мог работать, ходил взад-вперёд по дому как неприкаянный и даже писем не писал. А потом заперся в нужнике и долго там сидел, пугая родных непривычным молчанием.

Подходя к усадьбе, он вдруг остановился как вкопанный и стал смотреть себе под ноги. Мало кто из современников мог обратить внимание на такую ерунду. Все прошли бы мимо, даже охотник Тургенев! Но не Лев Николаевич!

Прямо перед ним на тропинке, поджав лапки, лежал на спине мёртвый комар. Долго стоял Лев Николаевич, задумчиво глядя на неподвижное насекомое, и в голове у него возникали мысли о бренности, о ничтожно малых жизнях, о несоизмеримых величинах, о рождении и смерти, о мире и войне. Время как будто остановилось. Стал накрапывать дождь. Толстой смахнул каплю дождя с носа и, как пойнтер, поймавший запах куропатки, напрямик, через поле, рванул к дому. Мимо растерянной Софьи Андреевны, мимо накрытого к завтраку стола, мимо надоевшего Черткова, прямо к себе в кабинет...

И, не садясь в кресло, схватил карандаш, первую попавшуюся в руки бумажку и вывел на ней крупными буквами: «Война и мир».

Иммануил Кант Лягушка *Ranidae*

Английские напольные часы с тяжёлыми гирями на оленьих жилах пробили три четверти часа. За минуту до этого он уже начал спускаться по лестнице со второго этажа на первый. Там, в полутёмной прихожей, уже ждал единственный слуга с шерстяной накидкой, чтобы аккуратно накинуть её на плечи хозяину и подать трость. Ровно без десяти минут час слуга открыл замок и отворил дверь. Так было каждый день, и вчера, и неделю, и месяц, и год... и пять лет назад. Не менялось ничего, кроме погоды на улице. Слугу звали Лампе, а человека, отправлявшегося на ежедневную прогулку, – Иммануил Кант.

Маршрут тоже был одним и тем же и не менялся никогда. От двери дома на Принцессиненштрассе вниз по улице до лавки с колониальными товарами, затем налево по Розенштрассе, поворот направо и затем через парк, мимо огромного дуба, расколотого молнией, до крепости Фридрихсбург, а точнее, до её высокой башни с часами... Там маршрут заканчивался и начинался путь обратно домой. Во время прогулки он никогда не останавливался, никогда ни с кем не разговаривал, а натываясь на знакомого, чуть кивал – и всё! Жители прекрасного Кёнигсберга окрестили маршрут «философской тропой». На тёмной башне крепости тоже били часы, но они могли этого и не делать – по невысокой, элегантно и всегда по погоде одетой фигуре можно было с точностью определять время. В 13:35 Кант проходил мимо дуба, ровно в два часа он оказывался у башни и поворачивал к дому. За много лет ежедневная погрешность не превышала минуты.

В доме у философа точность и пунктуальность сохранялись неукоснительно изо дня в день. Каждое утро без пяти минут пять старый солдат Лампе будил профессора и шёл на кухню заваривать чай. Первый завтрак состоял из двух чашек чая и одной голландской трубки. Затем Кант готовился к лекциям, которые всегда читал в первой половине дня. После прогулки он выпивал бокал венгерского токайского, и слуга подавал обед.

В его доме никогда не было женщин. Ни служанки, ни стряпухи, ни учениц, ни приличных и образованных дам, которых было немало в большом, шумном, интернациональном, торговом Кёнигсберге. Их просто не было в его жизни! Но нельзя сказать, что дамы не замечали Канта. Они даже писали ему письма. Прелестная Мария Шарлотта Якоби, урождённая Швинк, прислала вполне прозрачное письмо, которое заканчивалось так: «...я посылаю Вам воздушный поцелуй, который не потеряет своей симпатической силы. Будьте веселы и здоровы». Кант даже не ответил! Такой великий ум не должен отвлекаться по столь ничтожным поводам!

Кант не был богат, но, получив должность ординарного профессора и постоянный доход, мог жить так, как считал нужным. Ему не было необходимости, как Дидро, закладывать свою библиотеку Екатерине II, чтобы дать приданое дочери на свадьбу. Да и дочери у него, слава Богу, никакой не было. Да и трат у него было не так много. Он никогда и никуда не выезжал из Кёнигсберга, в отличие от Руссо, Дидро или Вольтера, которые были и великими философами, и неутомимыми путешественниками. Приличная одежда, голландское полотно на кровать, книги, свежая еда, небольшой бочонок токайского на год... Ну и расходы по дому. Масло для ламп, свечи, дрова, слуга, да и ещё по мелочи.

Осенний день 1773 года в жизни профессора начался рано утром, без пяти минут пять, как и всегда, с чая и трубки. Дальше тоже ничего необычного не произошло. После аскетического завтрака он переместился в кабинет и правил тексты лекций. Без четверти час верный Лампе укрыл плечи профессора неизменной накидкой, подал трость и протянул вязаное кашне – на улице было прохладно. Без десяти минут час Кант уже делал первый шаг по каменным плитам тротуара. Было ветрено, с востока город накрыла почти свинцовая туча, но на западе

было совершенно чистое небо, и осеннее солнце после мелкого дождика отражалось на плоских камнях, которыми были безупречно выложены улицы Кёнигсберга.

Кант уже шёл по аллее парка, погружённый в себя, проговаривая одними губами только что сложившуюся фразу: «...Ибо там, где выступает нравственный закон, объективно нет свободного выбора в отношении того, что нужно делать...» Новую работу он решил назвать «Критика чистого разума». До расколотаго молнией дуба оставалось шагов тридцать пять – сорок... как вдруг профессор остановился. Перед ним на дороге сидела лягушка. И не одна! На ней, обхватив её лапками, под углом в сорок пять градусов, вытянув мордочку и выпучив глаза, сидел лягушонок поменьше и совершал волнообразные движения, прижимаясь низом своего тельца к совершенно неподвижной большой лягушке. Кант стоял как вкопанный. Он никогда не останавливался во время прогулки, никогда! Даже два года назад, когда прямо у него под ногами неожиданно пробежал заяц. Он ни на секунду не сбил ритм своих шагов! Но тут помимо своей воли он продолжал смотреть на существ, занятых великим делом продолжения рода, и не мог ни сделать шаг, ни отвести от них взгляд. Лягушонок, который был сверху, качнулся ещё раз и затих, опустившись на спину большой лягушки. Наклонив голову, профессор увидел, как она сглотнула и прикрыла глаза.

Тут случилось совсем невероятное! Великий философ развернулся и быстро зашагал обратно. Увидев хозяина в прихожей на час раньше обычного, Лампе побледнел и встал словно аршин проглотил, во все глаза глядя на Канта. Он был настолько потрясён, что даже забыл помочь профессору раздеться и принять трость. И так бы и продолжал хлопать глазами, но голос Канта вернул его к жизни.

– Лампе, ты должен срочно кое-что сделать! Ты сейчас пойдёшь к моим ученикам и передашь им, что я хочу их видеть у себя как можно скорее. Мне нужен Отто Шрайгер; дом Шрайгеров – около старой кирхи на площади. Затем в аптеке на Блюменштрассе попросишь позвать Ханса Бидермайера и скажешь ему, что я жду его немедленно. И ещё мне нужны братья Швергинхау, Петер и Пауль, они живут где-то недалеко от нас...

Отдав распоряжение, Кант не поднялся наверх, а принялся ходить, заложив руки за спину, по большой комнате на первом этаже, где он обычно принимал посетителей и давал уроки. Минут через сорок в залу вошли братья Швергинхау и сын городского судьи, восемнадцатилетний Отто Шрайгер. Лица у всех были удивлённо-встревоженными. Никогда раньше профессор не нарушал расписания занятий и не посылал за ними слугу! Последним, запыхавшись, в комнату влетел старший сын провизора Ханс Бидермайер. Он бежал всю дорогу и был уверен, что с учителем что-то случилось...

Вся компания молча смотрела на профессора, который продолжал ходить взад-вперёд по комнате. Наконец Кант остановился и, внимательно глядя на учеников, очень спокойно, твёрдым голосом произнёс:

– Благодарю вас, господа, что вы собрались сейчас здесь. Сегодня я собираюсь эмпирически проверить одну посетившую меня идею. Но я недостаточно хорошо знаю город, хотя живу в нём всю жизнь. Я прошу вас отвести меня в бордель...

Если бы в этот момент в комнату залетела шаровая молния, то эффект, который она бы произвела, был меньшим, чем тот, что произвели на молодых людей слова их профессора. Они просто онемели...

– Так кто из вас может меня проводить?

Ответом ему было смущённое молчание.

– Тогда моя задача усложняется, но я постараюсь её решить.

Тут послышался голос Отто Шрайгера:

– Герр профессор! Простите. Мы сами никогда не бывали в таких местах, но знаем, что они есть... И их даже много в городе... В какой бордель вы желаете, чтобы мы вас проводили? Это замечание, казалось, смутило учителя. Но только на мгновение.

– Мне всё равно... в ближайший...

По улицам Кёнигсберга в этот вечер шла живописная компания. Чуть впереди – высокий темноволосый юноша. На полшага позади, в неизменной накидке и с тростью, с сосредоточенным лицом следовал великий философ Иммануил Кант. А за ним, замыкая процессию, двигались трое хорошо одетых юношей. Они почтительно смотрели в спину профессора и старались держать дистанцию. Двое из них были к тому же близнецами, и это придавало всей компании ещё больше колорита... Многие горожане узнавали знаменитого философа и с удивлением провожали их всех взглядами. По этим улицам Кант не ходил никогда!

– Господин профессор, мы пришли. – Отто показал рукой на двухэтажный дом на противоположной стороне улицы. Два больших, висящих на чугунных цепях фонаря с двух сторон освещали надпись чёрными готическими буквами на голубом фоне: “Das schoene Haus Kalipso”.

Кант прочитал вывеску, решительно перешёл улицу, успев подумать: «Странно, откуда тут взялась покровительница морей греческая нимфа Калипсо?» – дёрнул рукоятку звонка и исчез за дубовой дверью.

Почти стемнело. С моря порывами налетал холодный пронизывающий ветер, но четверо молодых людей не расходились. Они твёрдо решили дожидаться своего учителя и проводить его обратно домой. Их благородство было вознаграждено. Ждать пришлось недолго. Минут через тридцать пять дверь двухэтажного дома открылась и знакомая фигура с тростью показалась на другой стороне улицы. Ученики окружили профессора и почтительно молчали. Он как будто даже не удивился, увидев их снова, и лишь слегка кивнул. Обратно шли в полном молчании и в том же порядке. Стало совсем прохладно. Профессор был сосредоточен и не произносил ни звука.

Так дошли до дома. Перед тем как войти, Кант, уже держась за ручку двери, обернулся. Продрогшие, но верные ученики полукругом стояли возле крыльца и ждали. Он по очереди переводил взгляд с одного лица на другое и в каждом читал вопрос. И наконец удостоил их ответом. Философ открыл рот и выдал:

– Нелепые и бессмысленные телодвижения! – Отчётливо произнеся это, он вошёл в дом.

Фёдор Достоевский Постельный клоп *Cimex lectularius*

С четверга на пятницу перед Страстной неделей Достоевского особенно сильно покусали клопы. Он и так спал плохо, ворочался, забывался коротко, но тут же приходили видения, страшно похожие на явь, отчего он снова просыпался и сидел на кровати, как сыч. Особенно часто его в полудрёме преследовали люди неприятные или те, кому он был должен. Хуже всех был этот барин, Тургенев Иван, да ещё дружок его, тоже барин, Гончаров. Гончарову, автору всеми читаемого «Фрегата “Паллада”», он позорно долго был должен сто девяносто рублей ассигнациями. А Тургенев, пахнувший французской туалетной водой, Достоевского даже за писателя не держал. Индюк в шубе!

Вообще-то к клопам он – петербуржец – давно привык; сам министр двора барон Фредерикс шутил, что в Зимнем дворце царских клопов не меньше, чем в столице – всякой вольнодумной швали. Но сегодня они напали на него как-то особенно яростно. В общем, Фёдор Михалыч до утра не сомкнул глаз, еле дождался семи часов, а в восемь уже открывались Казачьи бани в Казачьем переулке, что у Гороховой.

Вообще, Достоевский был не банный человек, не любил скопление голых распаренных тел, дурацкие разговорчики, дешёвый «портер» и рачью кожуру с сухариками, – а брать первый класс с персональными банщиками и ванными стеснялся и экономил. Но грудь, спина, правая нога и даже сказать неудобно что так чесались, что Фёдор Михайлович собрал чистое бельё и выскочил ни свет ни заря в тёмное петербургское утро.

И вот сидит Достоевский на мокрой мраморной скамье, ноги в тазу, слева шаечка с кипятком, в ней парится берёзовый веник, а справа шайка с холодной водой; сидит, чешет себя обеими руками, кричит, постанывает и замечает, что он вообще впервые ни о чём не думает. И такая благодать снизошла на Фёдора Михайловича, что он даже чесаться перестал.

Через три часа, в чистом белье, посвежевший, с ясной головой, Фёдор Михайлович направился к дому. Город уже давно проснулся, и навстречу ему попадались то кухаркины дети, то офицеры в длинных шинелях, то бедная девушка, бредущая по Фонтанке, то тощий студент с топором подмышкой, словом... «Вот вам клоп, – думал Достоевский. – Один, два, ну три – это ещё куда ни шло, ещё можно перетерпеть. Но десятки уже сводят человека с ума. Вся жизнь от этой мелкой сволочи летит к чёрту! Так и в России: сотню-другую этих горлопанов, революционеров-нигилистов, сброд, не помнящий родства, ещё можно раздавить, убрать подальше, припугнуть, – а если их тыщи? Вся страна начнёт чесаться. День с ночью перепутается – тогда беда! Скорей, скорей к столу! Надо начинать немедленно».

И, чтобы не забыть, он свернул в ближайшую подворотню, вынул из кармана серебряный карандашик, оглянулся и печатными буквами написал на серой штукатурке проходного двора: «БЕСЫ».

Александр Герцен, Николай Огарёв Ящерица *Lacertilia*

По старому московскому обычаю, прокусив друг другу мочку уха, обливаясь слезами и кровью, весной 1827 года на Воробьёвых горах обнявшись стояли два молодых человека – Саша Герцен и Коля Огарёв. Плача и целуя друг друга, они поклялись в вечной дружбе и служении всему возвышенному и благородному. Весенний ветерок остужал их воспалённые лица, и дорога впереди казалась яркой и бесконечной. Но, спустившись с горы, они сразу убедились, что жизнь вокруг абсолютно несовершенна и что их задача – её изменить.

Первое знаменательное событие во славу свободы совершил Огарёв. После смерти батюшки, получив колоссальное наследство, он стал мультимиллионером, владельцем громадных пространств, тысяч крестьян, десятков деревень, лесов, полей и рек. Коленька Огарёв решил купить всем крестьянам хорошие книги, ботинки, приличные пальто, галстуки и запонки и дать всем вольную. Крестьяне плакали и умоляли барина не губить их и оставить всё по-старому. Но в страсти к свободе Огарёв был непреклонен! Специально вызванные казаки срывали с мужиков лапти, натягивали на несчастных штiblеты, вязали им на шею банты и галстуки и силой гнали к барину за «вольной грамотой». Детей старше семи лет переодевали в мундирчики, похожие на гимназические, и давали в одну руку таблицу умножения, а в другую – тульский пряник. Стоны баб и плач детей не смущали Огарёва. Он знал, что путь к новой жизни непрост!

Свои «вольные» мужики тут же заложили или скурили в самокрутках и снова оказались там же, где были. А вот Коля Огарёв половину состояния уже потерял. Разочаровавшись в России, он решил уехать в просвещённую Европу. В это время Александр Иванович Герцен интенсивно работал над вопросами теоретическими. Ума он был выдающегося. Сам Белинский пророчил ему место в «Истории» Карамзина. Огарёв из-за границы писал ему: «Сашенька, приезжай! Если тебе нужны деньги, то ещё есть, правда, Кропоткин уже много взял и не отдаёт...»

В 1847 году Герцен с несколькими идеями уехал в Париж. Путешествуя по Европе, останавливаясь в шикарном отеле и снимая виллы, Герцен всё больше убеждался, что и Франция, и Италия, и Швейцария «погрязли в мещанстве, которому не видно конца». Но в Россию он решил не возвращаться, потому что «там вообще нечем дышать». Живя в Ницце, гуляя по знаменитой набережной, Герцен напряжённо думал о всяких гадостях для «погрязших в разврате буржуа». И за десертом из лесной малины с коньяком в отеле «Мажестик» наконец придумал! Он послал Огарёву телеграмму в Лондон. В ней он велел скупать по всей Европе ящериц, особенно обратить внимание на тех, что из Шотландии, – они лучше переносят холод. Ящериц в террариумах складировать в отдалённом месте, сняв для этой цели приличный загородный дом. Огарёв, прочитав телеграмму, даже бровью не повёл и приступил к делу. Уже через два месяца он писал Герцену: «Саша, приезжай! Ящериц уже тысячи, что с ними делать?» Герцен ответил: «Мало. Покупай ещё. Скоро приеду».

В 1852 году в подвале загородной виллы под Парижем Герцен и Огарёв провели неслышанный эксперимент. К хвосту каждой ящерицы были привязаны маленькие бумажки с текстом на французском, английском и русском языках. Это были статьи Сен-Симона, Белинского, самого Герцена и Петра Кропоткина.

Ящериц, которых уже два дня не кормили, нанятые люди в одну ночь одновременно выпустили в разных городах Европы, в том числе в портах Лондона и Амстердама. Голодные ящерицы мгновенно начали разбегаться. Многие бросились их ловить и успевали схватить животных за хвост. Повинуясь инстинкту, ящерицы в момент смертельной опасности сбрасы-

вали хвост, и тот вместе с текстом оставался у людей в руках. Это был сильный удар! Все силы правительств, армии, полиции, таможи ничего не могли противопоставить смекалке двух русских аристократов! Но деньги у Огарёва ещё оставались, и Герцен, как настоящий друг, волновался.

– Мы не должны останавливаться! – заявил он Огарёву.

– Я и всё, что у меня есть, – твоё! – пылко произнёс Огарёв. Он весь сиял и умолял друга ещё что-нибудь придумать.

Перебравшись в Лондон, Герцен задумался о крестьянском вопросе и решил помочь общественному движению в России конца 1850-х – начала 1860-х годов. Но сделать это было непросто. Опытная и хорошо организованная русская секретная полиция уже давно держала его в поле своего зрения. Требовалась свежая идея. И Герцен придумал! Он решил использовать для борьбы за светлое будущее то, что этому будущему мешает. Учитывая повальную религиозность тёмного крестьянского населения России, он на деньги Огарёва договаривается с судоверфями Верхнего Клайда о перевозке в Россию «партии церковной утвари», а с хозяйственным управлением Синода – о размещении заказа на её изготовление в Англии.

На металлургических заводах Бирмингема он помещает заказ и отликает несколько сотен небольших колоколов особой конструкции и совершенно легально отправляет их в Россию. В Петербурге Синод распределяет колокола по всей стране в губернские, волостные и уездные приходы. Никто ни о чём не догадывался до тех пор, пока их не подняли на колокольни и в подвешенные на звонницы колокола не ударили пономари. С первым же ударом на каждом колоколе раскололась и отлетела двойная стенка, и на православный народ с колокольни вниз полетели сотни листков с прокламациями. Эффект был смертельным! Церковь стала главным распространителем революционной заразы. Идеи Герцена буквально падали на головы людей с неба, под колокольный звон. Империя была почти парализована. Отменять службы в православной стране было невозможно, а бить в колокола становилось преступлением!

Герценовский «Колокол» навсегда вошёл в историю России, и в этом смысле Белинский оказался прав. Но Карамзина, к сожалению, заменили другие историки, которые вообще на семьдесят лет вырвали у колоколов языки.

Наполеон Бонапарт Пчела *Anthophila*

Обстановка для французского корпуса в северной Италии к 15 ноября 1796 года стала не просто плохой, а угрожающей. Единственным крупным успехом стало окружение города Мантуи с его пятнадцатитысячным гарнизоном, которым командовал австрийский фельдмаршал Вурмзер. Потери с обеих сторон были значительными. Мантуйские болота с их ядовитыми испарениями и малярией без разбора косили как австрийцев, так и французов.

Командующий французской армией генерал Бонапарт отправил с нарочным письмо в Директорию: «...несмотря на беспримерное мужество, проявленное моими солдатами и офицерами, если в ближайшее время не получу подкрепление из Парижа, я буду вынужден отдать приказ об отступлении, чтобы сохранить остатки армии и перегруппироваться. Жубер, Ланн, Мюрат и Виктор... ранены. Мы брошены посреди Италии».

К концу октября была создана и пришла в движение новая, почти тридцатитысячная австрийская армия под командованием Иосифа Альвинци, барона фон Берберека. А к Вероне, навстречу французам, приближался тирольский корпус Давидовича.

15 ноября передовые части французской армии вышли к мосту у Арколе. Генерал Массена получил приказ атаковать и захватить его, но атака захлебнулась в крови. Хорватские стрелки поливали всё свинцом – таким плотным огнём, что, даже завалив мост трупами, французы вынуждены были отступить. Были убиты храбрый генерал Робер и два десятка лучших офицеров.

На следующий день Наполеон Бонапарт приказал начать новое наступление... Из Милана примчался не долечившийся от прежних ран генерал Ланн, чтобы в минуты смертельной опасности быть рядом со своим командующим. В четыре часа утра Наполеон лично обошёл построенных для атаки гренадеров и дал приказ атаковать. Колонна уже прошла половину моста, когда на наступавший авангард обрушился фланкирующий огонь. Стеснённые шириной моста гренадеры падали под градом пуль... Проклятья и стоны раненых, запах крови и пороха, свист пуль и трупы товарищей, по которым метр за метром продвигались французы, – это был ад!

И вдруг трёхцветное знамя повалилось в сторону, на мгновение снова взметнулось над киверами и исчезло под горами тел. Французы дрогнули, и вот уже попятнулись первые ряды. Его гренадеры отступали! Французская армия терпела второе поражение за два дня!

Но тут произошло то, о чём спустя столетия будут помнить все офицеры всех армий мира и все историки войн; поэты посвятят этому сотни строк, лучшие художники – десятки картин, а в мировом изобразительном искусстве появится совершенно новое направление – романтизм. Произошло то, что сделало талантливого генерала Бонапарта великим Наполеоном, императором и величайшим полководцем. Командующий армией бросился вперёд. Офицеры штаба очнулись лишь тогда, когда его фигура смешалась с солдатами на мосту и исчезла среди них. Расталкивая локтями рослых гренадеров, по телам погибших и раненых Наполеон пробился к началу отступающей колонны, нагнулся, выхватил французское знамя из коченеющих рук убитого знаменосца и поднял высоко над головой. По колонне войск прокатился изумлённый, переходящий в восторг гул. В этот момент двумя пулями в живот и грудь был убит личный адъютант командующего Мюиرون, успевший прикрыть его своим телом. Тут же несколько пуль расщепили древко знамени и щепка от него вонзилась в щеку Наполеона. Он даже не обратил на это внимание и успел перехватить знамя повыше. Его знаменитая треуголка была пробита в нескольких местах и наконец, совсем слетела с его головы.

А одна из австрийских пуль, по-видимому, угодила в стропила моста, где между двух дубовых балок свили гнездо дикие пчёлы. К мушкетным залпам и свисту пуль присоединилось

дикое жужжание миллионов потревоженных насекомых. Огромный рой взмыл над мостом, и на мгновение вибрация воздуха от бесчисленных крохотных крыльев разогнала пороховую гарь и дым от мушкетных выстрелов. Стало видно, что пчёлы сбились в тёмное облако, слегка удлинённое по краям, перестроились в напоминающую треугольник тучу и... бросились в атаку. Но, пролетев над головами французов, они понеслись в сторону неприятеля, к противоположному концу моста.

В рядах австрийцев началось что-то невообразимое! Строй рассыпался, и стрельба почти прекратилась. Солдаты бросали оружие, размахивали руками, били себя по головам, прятали лица, нелепо подпрыгивали и приседали, словно всех их разом поразила пляска святого Витта, а через несколько минут авангард австрийцев начал хаотично отступать.

Французы же, ведомые своим молодым командующим, держащим высоко над головой пробитое десятками пуль и обгоревшее трёхцветное знамя, бросились вперёд так, словно и не было двух суток тяжелейших боёв, словно убитые вчера снова шли с ними плечом к плечу, и было неважно, кто офицер, а кто рядовой, – это была невиданная ранее новая военная общность. Так родилась великая армия Наполеона Бонапарта.

А спустя сутки после победы на рваном от пуль, почерневшем от гари и копоти знамени Наполеон обнаружил ослабевшую, но ещё живую пчелу. Он бережно снял её, положил на ладонь и показал окружавшим его генералам со словами:

– Если даже итальянские пчёлы воюют на стороне Франции, мы непобедимы!

Пчёлы не сгнули в дыму сражения. Они были вытканы золотыми нитями на коронационной мантии нового императора и стали одним из символов наполеоновской Франции. «Маленький капрал» навсегда сохранил в своём сердце любовь и уважение к этим насекомым. А все пасеки Европы, от западных границ Испании до восточной границы Польского королевства (Варшавского княжества), получили полную гарантию неприкосновенности и защиту французской армии.

Пётр Вяземский Таракан рыжий *Blattella germanica*

Князь Пётр Андреевич Вяземский, автор «Старых записных книжек», однажды попал в щекотливое положение.

Надо сказать, что князь был умница и отлично воспитан. Он обладал безупречным вкусом и знал всех в обеих столицах. И вот, на обеде, а точнее, перед самым обедом в одном известном доме у Пантелеймоновского моста на Фонтанке (у кого – не скажу) он скинул шубу, поднялся по прекрасной мраморной лестнице, вошёл в залу и принял у лакея рюмочку горькой кориандровой настойки. Сначала Вяземский решил закусить нежинским огурчиком, но передумал и взял с подноса небольшой расстегай с белорыбицей. Куснул... И застыл с открытым ртом. Из оставшегося куска на него потухшими глазами смотрел мёртвый таракан.

Ситуация возникла дикая, совершенно нелепая и безвыходная. И усугублялась ещё тем обстоятельством, что хозяйка дома, очаровательная О. П., стояла рядом и вела милую беседу с молодым полковником, только что воротившимся с Кавказа.

Казалось, прошла вечность, а князь так и стоял, не смея ни проглотить, ни выплюнуть несчастный расстегай. Но тут всех пригласили к столу, и, воспользовавшись оживлением, Пётр Андреевич стремглав бросился в уборную, где первым делом избавился от мерзкого насекомого, а затем и сам облегчился по полной.

Прошло много лет, но князь никак не мог забыть тот конфуз и часто спрашивал у своих друзей: как бы они поступили в такой ситуации? Весивший больше восьми пудов Апухтин, зевая, сказал, что ежели расстегай свежий, то он бы съел его целиком и ничего не заметил; князь Мятлев заявил, что ноги бы его в том доме больше не было; а Александр Пушкин, ближайший друг Вяземского, расхохотался, схватил перо и записал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.